УДК 39:314.7(574)
МРНТИ 03.61.91
DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2026.103(3).15

[1]Сыдыгалиев С.М., [1]Раздыков С.З., [2]Жанисов А.Т.

[1]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
[2]Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан

E-mail: sunki2000@mail.ru, rasdikov@mail.ru, zhanisov79@gmail.com

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КАНДАСОВ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются повседневные практики кандасов как механизм этнокультурной адаптации и интеграции в принимающее сообщество Казахстана. Эмпирической основой исследования является многоэтапное полевое исследование, проведенное в 2023–2025 годах в Улытауской, Акмолинской и Карагандинской областях, с использованием метода включенного наблюдения и углубленных интервью; в качестве дополнительных источников использовались пространственные маршруты и визуальные материалы семей. Цель исследования – выявить и описать повседневные практики кандасов в сферах жилья, труда/экономики, языка/коммуникации и ритуалов/досуга, а также определить основные барьеры и ресурсы адаптации. Результаты показывают, что в региональном контексте формируется модель «тихой интеграции», в которой повседневные действия одновременно сохраняют культурную преемственность и помогают людям стать частью местных социальных сетей. Наиболее устойчивыми препятствиями остаются трудности в признании квалификаций, сложность жилищно-земельных процедур и бюрократические барьеры во взаимодействии с учреждениями. В исследовании сделан вывод о том, что меры по интеграции следует разрабатывать и контролировать с учетом наблюдаемых повседневных практик и измеримых показателей инклюзивности.

Ключевые слова: Центральный Казахстан; культурные практики; кандасы; адаптация; социокультурное пространство; общественные инициативы; межэтническое взаимодействие; повседневность; гибридная идентичность; цифровые инструменты адаптации.

Введение

С момента обретения независимости репатриация этнических казахов в Республику Казахстан остается стабильной частью миграционно-демографической политики страны. В юридическом смысле статус «кандас» относится к этническим казахам, возвращающимся на родину, и/или членам их семей казахской национальности, которые ранее не имели гражданства Республики Казахстан, вернулись на свою историческую родину и получили этот статус в соответствии с установленной процедурой [1]. По данным Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, в 2025 году статус кандаса получили 16 805

этнических казахов, а общее число с 1991 года достигло 1,1648 миллиона человек [2]. Эти цифры показывают, что репатриация является долгосрочным процессом и подчеркивают социально-культурную сторону интеграции, в том числе то, как кандасы становятся частью повседневной жизни принимающего общества, как они адаптируются и с какими барьерами сталкиваются.

В рамках институциональной системы репатриации важную роль играют меры по расселению и поддержке в регионах, сталкивающихся с нехваткой рабочей силы, включая субсидии на переселение, помощь в аренде жилья и программы поддержки занятости [2; 3]. Однако формальные меры поддержки лишь частично направлены на интеграцию кандасов. Интеграция также происходит через повседневные нормы, привычки и модели социального поведения в семейных отношениях, соседском взаимодействии, на рабочем месте, в школьной среде и в общественной коммуникации. Это долгосрочный процесс. Культурные коды принимающего общества усваиваются избирательно и в зависимости от ситуации через ряд повседневных практик.

В последние годы исследования репатриантов в Казахстане все чаще сосредотачиваются на микросоциальных основах адаптации, включая роль семейных и родственных сетей, поддержание связей со страной происхождения, функции языкового и культурного посредничества, опыт восприятия себя «своим» или «чужаком», а также реалии повседневной гражданской жизни [4; 5]. В то же время многие публикации по-прежнему либо содержат общие обзоры государственной политики, либо обобщенные описания «проблем адаптации», так что повседневная практика кандасов остается скорее фоновым вопросом, чем самостоятельным предметом анализа [6; 7]. В этом контексте необходим этнологический подход, чтобы перейти от общих утверждений к проверяемому описанию того, какие конкретные практики – семейные, экономические, коммуникативные и символические – способствуют адаптации, как они связаны с конкретными барьерами и как они варьируются в зависимости от регионального контекста и личного опыта.

Теоретическая основа исследования связана с традицией изучения повседневной жизни как пространства, где воспроизводятся социальные нормы и смыслы. В этой перспективе повседневная жизнь понимается не просто как частная сфера, а как совокупность повторяющихся действий и интерпретаций, посредством которых укрепляются модели поведения и проводятся границы между «своим» и «чужим» [8–10]. С этой точки зрения практики рассматриваются как рутинные действия и как осмысленные формы, посредством которых эти действия объясняются и оправдываются – то есть, как люди интерпретируют и легитимизируют то, что они делают [11; 12]. Дополнительную перспективу для интерпретации обеспечивают транснациональные связи. Для некоторых кандас связи со странами происхождения остаются важными и поддерживаются посредством общения, родственных обязательств, а также материального и символического обмена, который, в свою очередь, формирует стратегии адаптации и то, как они представляют себе свое будущее [4; 13].

Исследование охватывает такие области как Улытауская, Акмолинская и Карагандинская, как три различных региональных контекста, где интеграция кандас происходит в различных инфраструктурных и институциональных условиях. Хронологический охват ограничен периодом 2023–2025 годов, что соответствует периоду целенаправленных полевых исследований и позволяет сравнивать изменения в практике адаптации в сопоставимых условиях.

Научная новизна исследования заключается в том, что повседневные практики кандас рассматриваются как аналитическая единица этнокультурной адаптации, а затем организуются в области жилья, работы/экономики, языка/коммуникации и ритуалов/досуга. Она также состоит в выявлении связей между конкретными практиками и барьерами интеграции с использованием регионального эмпирического материала.

Цель исследования – выявить и описать повседневные практики кандасов, которые служат механизмами этнокультурной адаптации и интеграции в принимающее сообщество. Задачи исследования – классифицировать эти практики по областям жилья, работы/экономики, языка/коммуникации и ритуалов/досуга; выявить барьеры и ресурсы адаптации, возникающие в ходе повседневного взаимодействия с учреждениями и местными сетями; и определить индикаторы интеграции, которые могут быть использованы для практической оценки на уровне домохозяйств и местных сообществ.

Эмпирическая основа исследования состоит из материалов полевых исследований, собранных в 2023–2025 годах в центральных регионах Казахстана, включая наблюдения, интервью и анализ случаев повседневной интеграции. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенного набора областей и показателей для корректировки региональных программ поддержки кандасов, улучшения адресной помощи и мониторинга результатов на уровне акиматов, центров занятости и социальной поддержки, образовательных учреждений и НПО, работающих с репатриантами [14; 15].

Материалы и методы исследования

Исследование основано на этнологическом подходе и опирается на полевые исследования, рассматривающие повседневную жизнь как пространство, где формируются и воспроизводятся социальные нормы, идентичности и практики принадлежности. Эмпирический материал был собран в ходе многоэтапного полевого исследования, проведенного в период с 2023 по 2025 год в центральных регионах Казахстана, а именно в Улытауской, Акмолинской и Карагандинской областях, среди кандасов. В исследовании приняли участие 374 респондента. Наблюдение за участниками проводилось в 94 домохозяйствах, а также было проведено 30 углубленных полуструктурированных интервью для отслеживания жизненных траекторий и стратегий адаптации.

Основными единицами анализа были домохозяйства кандасов и местные институциональные и социальные сети, формирующие их повседневное взаимодействие, включая органы местного самоуправления, службы социальной поддержки, образовательные учреждения, рынок труда и соседские связи. Информанты отбирались целенаправленно с использованием принципа максимальной вариативности, с учетом пола, возраста, семейного положения, продолжительности проживания в Казахстане, типа населенного пункта и социально-экономических характеристик принимающих сообществ.

Сбор данных включал наблюдение за участниками, зафиксированное в полевых дневниках, полуструктурированные интервью, микроисторическую реконструкцию жизненных траекторий и повседневной жизни отдельных домохозяйств, анализ устных и визуальных материалов из семейной памяти, а также обзор политических, программных и статистических источников для обеспечения контекста для интерпретации полевых данных.

Для обеспечения сопоставимости материала повседневные практики были аналитически сгруппированы в четыре области: жилищные условия и организация пространства, трудовая и экономическая жизнь, язык и коммуникация, а также ритуальная и социальная жизнь. Обработка данных включала транскрипцию интервью, где имелись аудиозаписи, организацию полевых заметок и тематическое кодирование. Анализ сочетал тематический и нарративный подходы, а также сравнительный анализ случаев в разных регионах и различных типах населенных пунктов. Надежность интерпретаций была повышена за счет триангуляции наблюдений, интервью, визуальных материалов и документального контекста, включая последующий контакт с участниками для проверки ключевых выводов.

На каждом этапе исследования соблюдались этические нормы. Участие основывалось на устном информированном согласии, и никакие личные данные не разглашались в публикации. В тексте используются анонимизированные описания и измененные идентификационные данные. Единственным исключением является случай семьи Чагиевых, которые согласились на прямую интерпретацию своего опыта. Одним из ограничений исследования является его сильная направленность на сельские и пригородные районы центральных регионов Казахстана, поэтому полученные результаты следует с осторожностью применять к другим макрорегионам и крупным городам.

Результаты исследования

Эмпирическая база исследования основана на полевых исследованиях, проведенных в 2023–2025 годах в Акмолинской, Карагандинской и Улытауской областях, и охватывает 94 домохозяйства и 374 взрослых респондента. Полученные результаты позволяют рассматривать повседневную жизнь как реальный механизм интеграции: посредством жилья и распорядка дня, занятости, языкового взаимодействия, ритуальных и досуговых практик люди формируют социальные связи и развивают практическую интеграцию в принимающее сообщество [6; 11].

Для большинства семей кандасов повседневная жизнь по-прежнему отражает этнокультурные традиции, даже несмотря на то, что институциональные и социально-экономические барьеры продолжают ограничивать их полную интеграцию в принимающее общество. Анализ полевых материалов позволил выявить три относительно устойчивые стратегии этнокультурной адаптации:

- сохранение – поддержание культурных кодов посредством семейных ритуалов, домашней обстановки и родственных связей;
- гибридизация – сочетание традиционных практик с институциональными и городскими нормами принимающего общества;
- замещение – перенос некоторых практик в новые институциональные формы.

Жилищно-пространственный домен. В жилищной и пространственной сфере можно наблюдать два параллельных процесса. Первый – это сохранение этнокультурной преемственности посредством предметов домашнего обихода и организации домашнего пространства. Второй отражает практическую адаптацию к инфраструктуре и климату региона, а также к местным стандартам жилья, организации коммунальных услуг и нормам соседского взаимодействия. На семейном уровне это проявляется как сочетание сохранения и гибридизации. Традиционные элементы домашней среды встраиваются в современную повседневную жизнь и служат как источником стабильности, так и коммуникативным маркером; частота этих маркеров представлена в табл. 1.

Таблица 1. Жилищно-пространственный домен: элементы культурной символики в интерьере

Наиболее часто встречающиеся предметы	**Доля семей, %**	**Число семей**
Традиционная мебель	82	77
Ковры	74	70
Музыкальные инструменты	61	57
Национальная посуда	68	64
Предметы с арабской вязью	56	53

Составленно авторами на основе полевых материалов

В ходе интервью жилищные проблемы упоминались не столько как вопрос культурных различий, сколько как повседневные практические трудности: плохие жилищные условия, стоимость обустройства жилья, ненадежная инфраструктура и длительные процедуры получения земли и регистрации. Эти факторы часто делают семьи более зависимыми от родственников и неформальной поддержки. Это согласуется с исследованиями, показывающими, что интеграция репатриантов часто происходит снизу вверх, при этом местные сообщества играют важную роль в первые годы после переселения [7; 12].

Экономико-трудовой домен. Экономическая и трудовая сферы объединяют в себе некоторые из основных барьеров на пути интеграции. Ключевой вопрос здесь – как официально признаются навыки и квалификация людей: принимаются ли их дипломы и опыт работы, могут ли они подтвердить свою профессиональную квалификацию, соответствуют ли их рабочие места уровню образования и могут ли они выйти на формальный рынок труда. Когда люди сталкиваются с проблемами подтверждения своего опыта или прохождения процедур признания дипломов, некоторые из них оказываются на низкоквалифицированных работах или на временной и сезонной работе. В результате часто возникает длительный разрыв между тем, на что они имеют квалификацию, и работой, которую они фактически получают, что снижает ценность их образования и ограничивает их шансы на повышение по службе [14; 15].

Таблица 2. Экономико-трудовой домен: институционально-трудовые барьеры

Показатель	**Общая доля по выборке, %**	**Число респондентов**
Столкнулись с трудностями признания дипломов и стажа	61.7	231
Работают ниже уровня квалификации	46.1	173
Имеют нестабильную / временную занятость	50.8	190

Составленно авторами на основе полевых материалов

Данные подтверждают, что институциональные и связанные с трудоустройством барьеры остаются главной проблемой, и что существует явный разрыв между квалификацией людей и занимаемыми ими должностями.

На уровне домохозяйства доход обычно диверсифицируется за счет сочетания наемной работы, мелкого фермерства, сезонных заработков и мелкой торговли или услуг. Это помогает семьям оставаться на плаву, но также создает для них

нестабильность и тяжелую рабочую нагрузку, особенно когда доступ к официальной работе ограничен.

Языковой и информационный домен. В сфере языка и информации основная трудность заключается не столько в самом владении языком, сколько в доступе к институциональным процедурам и четким правилам взаимодействия с государственными органами и службами. Это включает в себя получение юридического статуса и документов, поиск работы, а также ориентацию в системах здравоохранения и образования. Языковые навыки, наряду с качеством информационных каналов, определяют, насколько хорошо домохозяйства могут взаимодействовать с учреждениями и в какой степени им приходится полагаться на неформальных посредников.

Проблемы с устной и письменной коммуникацией отметили 61,4% респондентов на русском языке и 56,9% на казахском. Еще 51,8% заявили о недостаточном количестве надежных источников информации, а 51,2% выразили недовольство качеством государственной поддержки. Кроме того, 32,1% заявили об отсутствии четкой и достоверной информации о своих правах и доступных им вариантах. В совокупности эти данные подтверждают вывод о том, что домохозяйства значительно различаются по степени вовлеченности в взаимодействие с учреждениями.

Ритуально-социальный домен. Ритуальная и социальная сфера играет практическую роль в укреплении социальной интеграции. Празднование праздников и событий жизненного цикла – это не просто признак традиционализма; это также способ поддержания и расширения социальных связей. Совместные события помогают укреплять доверие, повышать местную репутацию семьи и поддерживать повседневные формы взаимопомощи. В то же время, строгая традиционализация крупных праздников и ритуалов сочетается с участием в новых формах досуга и общения, включая вовлечение молодежи в цифровые практики, что отражает более широкие процессы культурной гибридизации [6; 15]. При этом сохраняется риск социальной изоляции. Он усиливается при наличии языковых барьеров и экономической нестабильности и чаще встречается в пригородных и сельских районах, где социальный контроль выше, а доступ к учреждениям более ограничен [12].

Согласно выборке, Наурыз по-прежнему остается частью повседневной календарной жизни в 95% домохозяйств (89 семей). Курбан-байрам и Ораза-байрам соблюдаются 88% респондентов (83 семьи). Ритуалы, связанные с рождением и взрослением, сохраняются в 84% домохозяйств (79 семей), в то время как похоронные и поминальные обряды, а также уважение к предкам остаются важными в 79% (74 семьи). Свадебные торжества и юбилейные мероприятия проводятся в 92% домохозяйств (86 семей). Участие в местных этнокультурных практиках и общинах зафиксировано в 58% домохозяйств (55 семей), в то время как 34% респондентов (32 семьи) сообщили о социальной изоляции. В целом, это указывает на высокий уровень ритуальной и социальной интеграции, а также показывает, что эта область остается уязвимой, когда языковые и экономические барьеры пересекаются [12].

Для повышения практической значимости эмпирических наблюдений результаты были обобщены в матрице, связывающей повседневную практику с барьерами, мерами поддержки и показателями результатов (табл. 3).

Таблица 3. Структура доменов и показателей повседневной адаптации кандасов

Домен / практика	Барьер (что мешает)	Мера (точка вмешательства)	Индикатор результата (как измерять эффект)
Жилье / регистрация жилья и земли	Затяжные земельные и регистрационные процедуры; неопределенность требований	Стандартизация маршрута (единый алгоритм), сопровождение регистрации, «пакет понятных инструкций»	Средний срок регистрации (дни); доля завершивших регистрацию в срок; доля отказов/возвратов документов
Жилье / доступ к инфраструктуре (коммуникации, отопление, вода)	Недоступность инфраструктуры или высокие затраты подключения	Координация с местными службами, целевые субсидии/льготы, приоритизация подключений	Доля домохозяйств с устойчивым доступом к базовой инфраструктуре; срок подключения
Труд / нострификация дипломов и подтверждение стажа	Непризнание квалификаций, длительные процедуры подтверждения	«Окно нострификации»; ускоренный маршрут оценки компетенций; консультационные модули	Средний срок нострификации; доля успешно подтвердивших квалификацию; доля повторных обращений
Труд / занятость по квалификации	Работа ниже уровня компетенций; ограниченный доступ к формальному рынку труда	Связка с работодателями (ярмарки, квоты, стажировки); «быстрые маршруты» занятости по спросу региона	Доля занятых по квалификации; доля формальной занятости; удержание на рабочем месте 6–12 мес.
Труд / семейная диверсификация доходов	Нестабильная занятость, сезонность, перегруженность трудом	Поддержка микрозанятости (курсы, гранты), консультации по легализации деятельности	Доля домохозяйств со стабильным доходом; доля легализованных форм занятости; снижение доли временной занятости
Язык / коммуникация / обращение в учреждения	Бюрократический язык, непонимание процедур, ошибки в документах	Шаблоны заявлений, двухъязычные инструкции, консультационные «стойки навигации»	Доля обращений без посредников; доля корректно поданных заявлений; снижение повторных визитов
Язык / информация / доступ к достоверной информации	Дефицит надежных каналов, зависимость от неформальных сетей	Единый канал информирования (портал/чат-бот), регулярные разъяснительные сессии	Доля респондентов, оценивающих информированность как достаточную; снижение доли «не знают куда обращаться»

Социальные сети / участие в локальных сообществах	Риск изоляции при языковых и экономических барьерах	Поддержка клубов/площадок, совместные события, микро-гранты инициативам	Доля вовлеченных в локальные сообщества; снижение доли сообщающих об изоляции; частота участия
Ритуалы / досуг / практики гостеприимства и участия в обрядах	Ограниченность контактов с принимающим сообществом (особенно в селе/пригороде)	Партнерские форматы мероприятий (школа–акимат–НПО), «наставничество» местных семей	Рост межгрупповых контактов (частота); доля смешанных мероприятий; изменение субъективного чувства «принятия»

Составленно авторами на основе полевых материалов

Результаты исследования показывают, что основные трудности адаптации связаны с институциональными процедурами, такими как регистрация жилья и земли, признание квалификации и доступ к четким и предсказуемым правилам. Повседневные стратегии преодоления трудностей, включая сочетание различных источников дохода, использование детей в качестве посредников в языковом общении, участие в ритуалах и жизни местного сообщества, помогают лишь в некоторой степени. Они могут облегчить повседневные проблемы, но не устраняют более глубокие структурные барьеры.

Кейс семьи Чагиевых (Акмолинская область, село Коянды). Пример семьи Чагиевых используется для демонстрации взаимодействия различных сфер повседневной адаптации и проверки предложенной матрицы показателей. Материалы исследования показывают, что адаптация семьи зависит не только от успеха в одной области, но и от того, насколько сбалансированы различные аспекты жизни.

В сфере жилья и быта символическая преемственность поддерживается предметами, хранящими семейную память, такими как домбра, сундук с семейными реликвиями, религиозные книги и семейные фотографии. Эти предметы являются частью как повседневной жизни, так и ритуальной практики и служат культурным якорем в ситуации, обусловленной институциональной неопределенностью.

В экономической и трудовой сферах первоначальная уязвимость семьи, включая проблемы с признанием квалификации и длительные процедурные этапы, связанные с документами и ресурсами, частично снижается за счет диверсифицированной занятости членов семьи и вовлечения нескольких взрослых членов семьи в совместную работу.

В языковой и информационной сфере дети и молодежь становятся важным ресурсом. Они быстрее адаптируются к школьному и общественному общению и на практике часто выступают в качестве посредников между старшими членами семьи и учреждениями.

В ритуальной и социальной сферах участие в ритуалах, практиках гостеприимства и местных мероприятиях помогает семье создавать сети доверия и взаимной поддержки.

В целом, данный случай отражает модель «тихой интеграции». Стабильность достигается не путем отказа от прежних культурных кодов, а путем их адаптации к

новым условиям повседневной жизни и постепенного развития институциональной компетентности, включая умение ориентироваться в процедурах, документах и правилах взаимодействия.

Для данной семьи можно выделить несколько возможных форм поддержки на уровне местных учреждений. К ним относятся сокращение времени, необходимого для признания дипломов и опыта работы, предоставление консультационной поддержки по вопросам регистрации и доступа к базовой инфраструктуре, оказание языковой помощи при взаимодействии с государственными и образовательными учреждениями, а также помощь семье в участии в местных общественных инициативах и этнокультурных проектах.

Эффективность этих мер можно оценить по изменениям показателей за период от 6 до 12 месяцев. К ним могут относиться сокращение процедур, связанных с жильем и землей, более высокая доля занятости, соответствующей квалификации членов семьи, меньшее количество случаев зависимости от неформальных посредников, более активное участие в жизни местных сообществ и снижение чувства социальной изоляции.

В этом смысле данный случай показывает, что матрица может быть использована в качестве практического инструмента для диагностики и мониторинга процессов адаптации на уровне отдельной семьи.

Рисунок – Семья Чагиевых

Заключение

Полевые материалы, собранные в Акмолинской, Карагандинской и Улитауской областях в 2023–2025 годах, показывают, что повседневная практика кандасов служит одновременно двум целям: она помогает домохозяйствам сохранять стабильность и способствует их интеграции в местные сообщества, сохраняя при этом этнокультурную преемственность. Это указывает на модель «тихой интеграции», при которой адаптация к принимающей среде происходит главным образом посредством семейных стратегий, повседневных рутин и местных сетей взаимодействия.

Сравнение четырех доменов повседневной адаптации показывает, что наиболее устойчивые барьеры сосредоточены в экономической и трудовой сферах, особенно в

вопросах признания квалификации, доступа к формальному рынку труда и трудоустройства, соответствующего навыкам человека. Серьезные трудности также наблюдаются в языковой и информационной сферах, включая ориентацию в процедурах, получение достоверной информации и понимание четких и доступных правил. Еще один важный комплекс проблем возникает в сфере жилья и землепользования, таких как регистрация, доступ к инфраструктуре и земельные вопросы.

Ритуальные и социальные практики, как правило, помогают кандасам чувствовать себя включенными и расширять свои сети доверия. Однако их интеграционная роль значительно ослабевает, когда экономические барьеры сочетаются с языковыми и информационными трудностями. В результате возникает модель частичной интеграции: культурные практики остаются сильными, но институциональное обустройство по-прежнему фрагментировано и часто компенсируется неформальной поддержкой семьи и общины.

Практическая ценность исследования заключается в возможности разработки мер адаптации, исходя из самой повседневной жизни, то есть из наблюдаемых практик и типичных способов организации быта домохозяйств. На региональном уровне к основным приоритетам относятся поддержка в жилищных вопросах и доступ к базовой инфраструктуре, признание квалификаций и помощь в трудоустройстве, соответствующем навыкам людей, языковая и информационная поддержка при взаимодействии с учреждениями, а также укрепление местных сетей доверия при одновременном снижении риска социальной изоляции.

В течение 12 месяцев эффективность таких программ может быть оценена по ряду основных показателей: время, необходимое для завершения регистрации и земельных процедур; доля признанных дипломов и подтвержденного опыта работы; доля людей, занятых на должностях, соответствующих их квалификации; доля домохозяйств со стабильным официальным источником информации; доля вовлеченных в местные сообщества; и доля респондентов, сообщающих о чувстве социальной изоляции. Таким образом, предложенная матрица областей и показателей может использоваться как для диагностики, так и для ежегодного мониторинга на районном и региональном уровнях.

Перспективным направлением дальнейших исследований является расширение выборки за счет включения городских условий и сравнение механизмов «тихой интеграции» в крупных городах с механизмами, наблюдаемыми в сельской местности и пригородах. В целом, анализ повседневной практики выявляет разрыв между мерами интеграции, официально заявленными в политике, и фактическими способами включения домохозяйств в местную жизнь. Это создает основу для совершенствования региональных программ в соответствии с институциональными барьерами, выявленными в исследовании, и типичными стратегиями, используемыми домохозяйствами.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. Стандарт государственной услуги Присвоение или продление «статуса кандаса» (ресурс «Әділет»). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1300008624 (дата обращения: 10.01.2026).

[2] Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. Более 16,8 тыс. этнических казахов получили статус кандаса в 2025 году. Официальный интернет-ресурс gov.kz. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1149403?lang=ru (дата обращения: 10.01.2026).

[3] Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. Региональная квота приема кандасов и переселенцев на 2025 год (Приказ № 13-е/қ-09 от 08.01.2025). 2025. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/914194?lang=ru (дата обращения: 10.01.2026).

[4] Zharkynbekova S., Tazhibayeva S., Shakhputova Z., Agabekova Z., Azamatova A., Kuzar Zh. Transnational practices of Kazakh repatriates (Kandases): networks, belonging, and everyday strategies // Frontiers in Sociology. 2024.

[5] Werner C.A., Emmelhainz C., Barcus H. Privileged Exclusion in Post-Soviet Kazakhstan: Ethnic Return Migration, Citizenship, and the Politics of (Not) Belonging // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. No. 10. P. 1557–1583.

[6] Шакен Б. О концепции казахстанской репатриации: описание, тип и специфика // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение». 2023. № 2(143). С. 108–123.

[7] Dudinova E., Negizbayeva M., Turlash G. Positive communication as a technology for adaptation of migrants and kandas in Kazakhstan: aspects of intercultural integration // Bulletin of KazNU. Journalism Series. 2022. No. 3(65). P. 58–67.

[8] Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press, 1967.

[9] Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966.

[10] de Certeau M. The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.

[11] Курганская В.Д., Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю., Абрахматова Г.А. Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 67–90.

[12] Ковальская С.И., Федорова А.В., Хизат А. Репатриационная политика Республики Казахстан: от «оралмана» до «қандас» // История (электронный научно-образовательный журнал). 2024. Т. 15. Вып. 1(135).

[13] Levitt P., Glick Schiller N. Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society // International Migration Review. 2004. Vol. 38. No. 3. P. 1002–1039.

[14] International Organization for Migration (IOM). Kazakhstan: International Migrant Workers Survey (May 2024, Round 4). 2024. URL: https://reliefweb.int/report/kazakhstan/kazakhstan-international-migrant-workers-survey-may-2024-round-4-enru (accessed 10.01.2026).

[15] Бюро национальной статистики АСПиР РК. Раздел «Труд и занятость» (динамические таблицы/статистика). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/ (дата обращения: 10.01.2026).

REFERENCES

[1] Prikaz Ministra truda i social’noj zashchity naseleniya Respubliki Kazakhstan. (2013). Standart gosudarstvennoj uslugi «Prisvoenie ili prodlenie statusa kandasa» [Standard of the public service «Assignment or extension of kandas status»]. Adilet. Retrieved from https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1300008624 (Accessed: 10.01.2026) [in Russian].

[2] Ministerstvo truda i social’noj zashchity naseleniya Respubliki Kazakhstan. (2025). Bolee 16,8 tys. etnicheskih kazahov poluchili status kandasa v 2025 godu [More than 16.8 thousand ethnic Kazakhs received kandas status in 2025]. Gov.kz. Retrieved from https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1149403?lang=ru (Accessed: 10.01.2026) [in Russian].

[3] Ministerstvo truda i social’noj zashchity naseleniya Respubliki Kazakhstan. (2025). Regional’naya kvota priema kandasov i pereselencev na 2025 god (Prikaz No. 13-e/q-09 ot 08.01.2025) [Regional quota for admission of kandases and resettlers for 2025 (Order No. 13-e/q-09 dated 08.01.2025)]. Gov.kz. Retrieved from https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/914194?lang=ru (Accessed: 10.01.2026) [in Russian].

[4] Zharkynbekova, S., Tazhibayeva, S., Shakhputova, Z., Agabekova, Z., Azamatova, A., Kuzar, Zh. (2024). Transnational practices of Kazakh repatriates (Kandases): networks, belonging, and everyday strategies. Frontiers in Sociology. https://doi.org/10.3389/fsoc.2024.1452785

[5] Werner, C.A., Emmelhainz, C., & Barcus, H. (2017). Privileged exclusion in post-Soviet Kazakhstan: Ethnic return migration, citizenship, and the politics of (not) belonging. Europe-Asia Studies, 69(10), 1557–1583. https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1401042

[6] Shaken B. (2023). O koncepcii kazahstanskoj repatriacii: opisanie, tip i specifika [On the concept of Kazakhstani repatriation: description, type and specifics]. Vestnik Evrazijskogo nacional’nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya «Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie» – Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies, No. 2(143), P. 108–123. https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-143-2-108-123 [in Russian].

[7] Dudinova, E., Negizbayeva, M., & Turlash, G. (2022). Positive communication as a technology for adaptation of migrants and kandas in Kazakhstan: aspects of intercultural integration. Bulletin of KazNU. Journalism Series, 3(65), 58–67. https://doi.org/10.26577/HJ.2022.v65.i3.06

[8] Schutz, A. (1967). The phenomenology of the social world. Evanston, IL: Northwestern University Press.

[9] Berger, P.L., & Luckmann, T. (1966). The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. New York, NY: Anchor Books.

[10] de Certeau, M. (1984). The practice of everyday life. Berkeley, CA: University of California Press.

[11] Kurganskaya V.D., Shaukenova Z.K., Dunaev V.Yu., Abrahmatova G.A. (2024). Repatrianty v Kazahstane: analiz problem integracii v sociologicheskom izmerenii [Repatriates in Kazakhstan: analysis of integration problems in the sociological dimension]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social’nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, No. 4, P. 67–90. https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2576 [in Russian].

[12] Koval'skaya S.I., Fedorova A.V., Khizat A. (2024). Repatriacionnaya politika Respubliki Kazahstan: ot «oralmana» do «kandas» [Repatriation policy of the Republic of Kazakhstan: from «oralman» to «kandas»]. Istoriya (elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal) – History (electronic journal), Vol. 15, Issue 1(135). https://doi.org/10.18254/S207987840029938-0 [in Russian].

[13] Levitt, P., & Glick Schiller, N. (2004). Conceptualizing simultaneity: A transnational social field perspective on society. International Migration Review, 38(3), 1002–1039. https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x

[14] International Organization for Migration. (2024). Kazakhstan: International migrant workers survey (May 2024, Round 4). ReliefWeb. Retrieved from https://reliefweb.int/report/kazakhstan/kazakhstan-international-migrant-workers-survey-may-2024-round-4-enru (Accessed: 10.01.2026).

[15] Byuro nacional'noj statistiki ASPiR RK. (n.d.). Razdel «Trud i zanyatost'» (dinamicheskie tablicy/statistika) [«Labor and employment» section (dynamic tables/statistics)]. Stat.gov.kz. Retrieved from https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/ (Accessed: 10.01.2026) [in Russian].

Сыдығалиев С.М., Раздықов С.З., Жәнісов А.Т.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚАНДАСТАРДЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ТӘЖІРИБЕЛЕРІ ЖӘНЕ ЭТНОМӘДЕНИ БЕЙІМДЕЛУ

Аңдатпа. Мақала қандастардың күнделікті тәжірибелерін Қазақстанның қабылдаушы қоғамына кірігудің және этномәдени бейімделудің механизмі ретінде қарастырады. Эмпирикалық база 2023–2025 жж. Ұлытау, Ақмола және Қарағанды облыстарындағы көпкезеңді далалық зерттеулерден тұрады: қатысушы бақылау және тереңдетілген сұхбаттар; кеңістіктік маршруттар мен отбасылық визуалды материалдар қосымша дереккөз ретінде пайдаланылды. Зерттеудің мақсаты – «тұрғын үй», «еңбек/экономика», «тіл/коммуникация», «ритуалдар/бос уақыт» домендері бойынша күнделікті практикаларды жіктеп, сипаттау және бейімделудің кедергілері мен ресурстарын айқындау. Нәтижелер өңірлерде «тыныш интеграция» моделінің орнығуын көрсетеді: күнделікті әрекеттер мәдени сабақтастықты сақтап, жергілікті әлеуметтік желілерге кірігуге мүмкіндік береді. Негізгі шектеулер – біліктілікті тану мәселелері, тұрғын үй-жер рәсімдерінің күрделілігі және институттармен өзара әрекеттесудегі бюрократиялық кедергілер. Интеграциялық шараларды жобалау мен мониторингтеу күнделікті тәжірибелер мен кірігудің өлшенетін индикаторларына сүйенуі тиіс.

Кілт сөздер: Орталық Қазақстан; қандастар; этномәдени бейімделу; күнделікті тәжірибелер; интеграция; мәдени кодтар; тілдік режимдер; еңбек стратегиялары; тұрғын үй қолжетімділігі; ритуалдық тәжірибелер; әлеуметтік желілер; жергілікті қауымдастық; гибридті сәйкестік; институционалдық кедергілер.

Sydygaliev S.M., Razdykov S.Z., Zhanisov A.T.

EVERYDAY PRACTICES AND ETHNOCULTURAL ADAPTATION OF KANDASES IN KAZAKHSTAN

Annotation. The article examines the everyday practices of Kandases as a mechanism of incorporation into Kazakhstan's receiving society and of ethnocultural adaptation. The empirical base consists of multi-stage fieldwork conducted in 2023–2025 in the Ulytau, Akmola, and Karaganda regions, using participant observation and in-depth interviews;

spatial routes and family visual materials were used as supplementary sources. The aim of the study is to classify and describe everyday practices across the domains of housing, work/household economy, language/communication, and rituals/leisure, and to identify the barriers and resources of adaptation. The results indicate the consolidation of a «quiet integration» model in regional contexts: routine actions both sustain cultural continuity and enable incorporation into local social networks. The main constraints are difficulties in recognizing qualifications, the complexity of housing and land procedures, and bureaucratic barriers in interactions with institutions. The design and monitoring of integration measures should therefore be grounded in observable everyday practices and measurable indicators of incorporation.

Keywords: Central Kazakhstan; Kandases; ethnocultural adaptation; everyday practices; integration; cultural codes; language regimes; employment strategies; housing accessibility; ritual practices; social networks; local communities; hybrid identity; institutional barriers.